

УДК 821.161.1.09"20"
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВАКУУМА

В.В. Компанеев

В статье на материале романа С. Залыгина «После бури» рассмотрен специфический феномен «бывшести» как следствие глобального политического эксперимента, основанного на отрицании преемственности традиционных нравственных ценностей. Это приводит к неисчислимым жертвам и страданиям людей, трудностям их социальной адаптации и культурно-психологической самоидентификации. Человеческое существование превращается в элементарное приспособленчество, теряя изначально присущие ему целостность и органичность.

Ключевые слова: личность, состояние обреченности, раздвоенное сознание, метаистория, интенциональность, социокультурный хронотоп.

Эпоха исторических катаклизмов и преобразований всегда сопровождается обострением чувства времени, ощущением конечности или бесконечности происходящего, его трагедийности или комедийности. Все это составляет основу онтологического оптимизма и пессимизма. Нельзя не согласиться с Н.Н. Трубниковым, который, разрабатывая вопросы философско-мировоззренческой сущности категории времени, писал, что означенная проблема относится к разряду специфических в XX столетии. В XX в. – «веке великих социальных преобразований и разложения отживших социальных форм» – обнаруживается новое, характерное «для миллионов отношение к времени, острое ощущение зависимости от него, ощущение его причастности к человеческой жизни» [9, с. 5]. Наиболее явно данное ощущение проявляется в ситуации социокультурного вакуума как закономерном итоге процесса революционной ломки бытия и сознания.

Эту проблему – обусловленность психо-социального состояния личности глубинными сущностными характеристиками эпохи – поднял С.П. Залыгин в романе «После бури» (1985), явно недооцененном современной автору критикой. Произведение уникально в том

отношении, что главным его героем, носителем исторического мироощущения, является не победитель, а побежденный; человек, пытающийся в буквальном смысле выжить в новой действительности и в новом историческом времени. Писатель исследует феномен «бывшести», уже по самой своей сути заключающий в себе временной аспект как сюжет- и характерообразующий. «...Быть и жить “бывшим” – это испытание, не все могли его перенести, и кто бежал куда-нибудь к черту на рога, замечая следы своей “бывшести”,” – кто вешался, кто травился, кто женился на старых вдовах и уходил в избушки... кто – хотя это и потруднее было, кругом же бдительность! – все равно изловчался выскочить замуж за новоявленного совслужащего, совсем хорошо, если за кооператора.

Жители настоящего, текущего времени слабо представляют, что такое человеческая “бывшесть”, а напрасно: многих-многих не минует чаша сия...», – читаем в романе [6, с. 95–96] ¹.

«Бывшесть» осмысливается С. Залыгиным как глобальное явление, вызванное выпадением в казалось бы неизбежной цепи времен (от прошлого через настоящее к будущему) звена *настоящего*: «Истинно: нынешний мир перестал быть нынешним, он был не от самого себя, не от мира сего, он весь явился из какого-то невероятного далека, из другой Вселенной...

Настоящее оказалось лишним, исчезло бесследно и стало так, как будто и не бывало никогда никакой Середины, а были только такие же лунные, ничем не различимые друг от друга Начало и Конец... Вечность была, а ей какое дело до Настоящего?» (с. 66).

Некие высшие космические силы уничтожили привычную среду существования и создали мир, приобретший вполне реальные страшные, а иногда и явно абсурдные очертания. Основной особенностью этого возникшего вдруг мира стали непредсказуемость и «изнаночность». «Все перемешалось... Дворяне стали плебеями, плебеи – дворянами, толпа – армией, армия – толпой, большевики дружат с буржуями, воюют с социалистами» (с. 75). Сам герой, Петр Васильевич Корнилов, сын адвоката, бывший приват-доцент и белогвардейский офицер, взял себе всего лишь навсего чужое отчество (Николаевич), принадлежавшее умершему в лагере от сыпного тифа однофамильцу. Взял, чтобы элементарно выжить. «Мы были вместе – тот и этот Петр Корнилов! А теперь мы оба – это я один! Один!» (с. 20).

Герой выжил, более того – приспособился, но с течением времени он все отчетливее понимает глубинную трагическую подоснову свершившегося, с чем связаны трудности его социопсихологической самоидентификации.

Так, на каком-то этапе своей духовной эволюции Корнилов рассматривает потерю настоящего отчества как следствие исторического компромисса, свершившегося не в данный момент, а в прошлом, как результат сознательной договоренности двух отцов – адвоката и инженера, Василия и Николая; как некую путаницу, истоки которой в глубинах национальной истории и психологии. Отец-инженер говорит отцу-адвокату: «Мы-то с вами перепутали между собой своего сына Петрушку, но еще раньше наши с вами отцы разделили пополам одну фамилию и одно отчество. Следовательно, начало нынешней путаницы положили наши деды, а там копнуть, может, и прадеды замешаны!» (с. 279).

Для Петра Корнилова замена отчества означала не только замену родовых связей, корней, а вернее, их потерю, но и утрату ощущения собственной индивидуальности. Сделавшись Петром Николаевичем, он начинает сомневаться в содержании своей личности, ее

физических и духовно-нравственных характеристиках. Герой теряет вместе с отцовством основное – историю своего «я», которая определяла его поведение, его психику, из которой он черпал духовные силы. Знаменательно, что, утратив отчество как духовную опору бытия, он ничего не подозревает о существовании сына от Евгении Ковалевской и тем самым лишает себя личного отцовства. Иначе говоря, внутренне Петр Корнилов потерял связи с миром, но это всего лишь одна сторона. С другой, и мир фактически утратил отношения с человеком, поскольку все причинно-следственные связи, обусловленные определенной конкретной личностной судьбой и обязательно исходящие от каждого индивидуума, оказались порваны. Разрушилась та сложнейшая и невидимая иерархия явлений, понятий, которая связывала маленькое житейское «я» с «Я» космическим, вселенским.

Однако самое трагическое заключается, пожалуй, в том, что, потеряв четкие очертания своей судьбы, своей личности, получив весьма ограниченные возможности для самореализации, герой С. Залыгина начинает постепенно осознавать недоступность для себя сколько-нибудь глубокого постижения мира. Не случайно он приходит к мысли о существовании «истины ужаса», путь к которой отождествляется с заглядыванием «в глубину земляной скважины» (с. 250), то есть со страшной тьмой, полным отсутствием света, с мраком могилы. Космическое, свободно плавающее в пространствах и временах «я» сузилось до небольшого земляного отверстия с могильным запахом. Лишенное духовных истоков большого, «я» маленькое и житейское, озабоченное лишь выживанием, действительно увидело и «истину ужаса» и ужас истины.

Анализируя такого рода метаморфозы, можно построить целую систему человеческих представлений о мире, о себе, о смерти и бессмертии, в которых будет немало верного, ценного, непреходящего. Но есть одно понятие, выдвинутое Гегелем в «Феноменологии духа» – *несчастное сознание*. Именно оно, несмотря на то, что «бывшесть» героя не помешала ему пережить и счастливые мгновения, более всего подходит к залыгинскому Корнилову и подобным ему. Это нравственно-психологическое состояние характеризуется

прежде всего наличием устойчивого комплекса утрат и потерь. «Несчастное сознание... есть трагическая судьба *достоверности себя самого*, долженствующей быть в себе и для себя. Оно есть сознание потери всей *существенности* в этой *достоверности* себя и потери именно этого знания о себе, – потери субстанции, как и самости...», – пишет Гегель [3, с. 400].

И действительно, взяв чужое отчество, Петр Корнилов оказывается во власти чужого имени и чужой судьбы: «...Несуществующий Корнилов все еще настойчиво продолжал руководить и определять жизнь этого, существующего» (с. 108). Возникает та ситуация, когда, по словам интереснейшего мыслителя начала века В.Н. Муравьева, «...имя стремится стать личностью» [7, с. 111]. Самопознание человека всегда связано с неразрывностью времен – прошлого и настоящего, ибо познавать себя в настоящем возможно лишь оценивая и анализируя совершенные поступки и действия в прошлом. Отказавшись от своего прошлого и взяв чужое, герой Залыгина обнаруживает, что не знает самого себя.

В этом незнании – один из источников его раздвоенности. Как бы ни убеждал Корнилов Ковалевскую, что теперь он один живет за двоих, сам-то герой хорошо ощущает, что живут в нем все-таки два Корнилова. Да по-другому и быть не могло. Несчастное сознание, по характеристике Гегеля, – это «*раздвоенное внутри себя сознание*». «...Оно само *есть* устремление взора одного самосознания в другое, и оно само *есть* и то и другое самосознание...» [3, с. 112].

Сказанное вносит, на наш взгляд, некоторый дополнительный оттенок в осмысление традиционной для европейской и русской литературы темы и мотивов двойничества. Функция двойника в литературно-художественном творчестве многомерна и многозначна. Первоначально этот образ получал фантастическое истолкование, являвшееся основой иррационально-мистического толкования темы. Двойник предстал как некий символ, знак внутренней скрытой связи литературного персонажа с потусторонними силами (тенденция, получившая особое развитие в немецком романтизме – в произведениях Гофмана, Гейне, Шамиссо и др.). В русской литературе XIX в. тема двойничества утвердилась начиная с по-

вестей Гоголя «Нос» и Достоевского «Двойник» в социально-психологическом ракурсе, переросшем позднее в творчестве того же Достоевского в философско-психологический с ярко выраженным этическим пафосом. «Это – сильное сознание, потребность самоотчета и присутствие в природе Вашей потребности нравственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность», – писал Ф.М. Достоевский Е.Ф. Юнге [5, с. 149].

В контекст литературы XX столетия, особенно модернистской, двойничество вписывалось различными своими гранями, нередко осмысляясь в мифолого-космическом плане. Так, например, Андрей Белый выделял в творчестве А. Блока два основных типа двойника, соответствующие, по его мнению, двум первоосновам блоковской поэзии – Люцифера как олицетворения западноевропейской отвлеченности и Аримана, воплотившего собой восточную чувственность [1, с. 270, 288–289].

В романе С. Залыгина расщепленность личности главного героя предельно акцентирована: «разрозненный, расхристанный на части мир уже взрослого Корнилова тоже раздвоил, разстроил, раздесятил...» (с. 608–609). Такое состояние хорошо понимающий Корнилова Бондарин расценивает как двойничество (с. 722). Сам же его носитель ощущает себя вместилищем «тайной мысли человечества, которую он воплощал своим существованием». Такие, как он, не могли существовать «без собственной выдумки о самих себе» (с. 482). «Собственная выдумка о самом себе» – это и есть психологическая основа раздвоения личности. Но у Залыгина необходимость выдумывать себя продиктована не просто особенностями личности и не только психологией приспособленчества или поисками внутренней опоры в этическом самоконтроле. Для героя это прежде всего историческая необходимость, и более того – закономерность.

Глубиной и оригинальностью характеризуется мысль Гегеля (впоследствии подхваченная К. Марксом) о том, что история повторяется дважды, что повторение, удвоение заложено в природе исторических событий. «Благодаря повторению того, что сначала казалось лишь случайным и возможным, оно становится действительным и установленным фактом» [4, с. 296]. Маркс, развивая гегелевский

тезис, впоследствии конкретизировал его, утверждая, что при повторении трагедия превращается в комедию. Но ведь можно вообразить и обратную ситуацию: комедия становится трагедией. Именно эту постоянную балансировку между трагедией и комедией, действительностью и игрой явственно видит герой Залыгина в своем поведении и поведении других людей: «Она ведь, эта женщина, – думает Корнилов о Ковалевской, – однажды решившись, все еще изо всех сил следовала за ним в этом фарсе и в этой игре, пока что, сегодня, сию минуту, ничтожно мелкой, на извозничьем уровне, а завтра, может быть, и грандиозной, где-нибудь на границе между быть и не быть...» (с. 28).

Петр Васильевич-Николаевич Корнилов выступает как лицо удвоенное, причем удвоенное не природой, не собственным рассудком (тогда можно было бы говорить о психопатологических отклонениях личности), не волею художника (в этом случае на первый план выступила бы фантазия), но самой историей, заставившей человека отказаться от своего прежнего «я», ориентироваться на некий мутант, слепленный, скомканный, сложенный (у кого более, у кого менее удачно) из осколков безвозвратного прошлого, разорванного настоящего и смутно-воображаемого будущего. В итоге и получился суррогат, реальный и нереальный одновременно, отличительной особенностью которого является неопределенность, неотчетливость характера. Все попытки персонажа жить по законам нового отчества, в сущности, несостоятельны, терпят в итоге крах, потому что Петр Васильевич-Николаевич оказывается не более, если использовать понятие феноменологической философии, чем *интенцией*.

Интенциональность – это свойство сознания быть направленным на объект, как будто обладающий всеми признаками реальности и в то же время не совпадающий с ней. Так и Петр Николаевич (бывший Васильевич), совпадая формально, не совпадает по сути с настоящим Петром Николаевичем Корниловым. XX столетие с его трагическим разладом между словом и делом, намерением и реализацией, теорией и практикой как бы психологически узаконил интенциональность, подвел под нее историческое обоснование.

М. Хайдеггер, автор трудов «Бытие и время» и «Время и бытие», непосредственно ставил характеристику онтологических основ мира в зависимость от временных параметров: «Бытие как присутствие определяется через время», «Бытие и время определяются взаимно» [11, с. 81, 82]. Время, по мнению Хайдеггера, – основной принцип интерпретации и способ понимания человека. При этом философ настаивал на разграничении времени исторического (реального хода истории, ставшего предметом изучения исторической науки) и времени философского. Историческое время – это так называемое «вульгарное время», ограниченное секундными потребностями, оно выливается в совокупность моментов «теперь».

В таком «вульгарном времени» живет герой Залыгина: не попасться, не раскрыться, выжить... Нет ни прошлого, ни будущего. «Неужели и вся эта происходящая с Корниловым жизнь – это тоже “бывшее”?!» (с. 252) – вопрошает персонаж. Заметим: «бывшее» в его сознании отнесено к настоящему, слилось с ним.

Да и все «бывшие», отбросив свое прошлое, оказались, по существу, вне истории, были выбиты из нее, поскольку лишились важнейшего элемента исторического процесса – своих корней, предания. Но, как известно, вне исторического предания не может существовать историческая память.

Конечно, историческое предание может быть разного уровня: предание человечества, народа, нации, рода, семьи, отдельного человека, но в любом случае – это нить, связывающая личность с макромиром, придающая ей конкретную целостность, включающая ее в определенный аспект бытия. Утрата предания ведет к беспамятству и, в конечном счете, к потере «своего места» в действительности и истории, во времени и пространстве, что и происходит с «бывшими».

«Бывшесть» в романе Залыгина трактуется не только как морально-нравственное, историческое и «временное», но и как пространственное понятие. Выпадение из времени обуславливает уничтожение пространственных характеристик личности, которые, выражаясь первоначально в идее «своего места», отождествляются впоследствии с представлениями о природе, народе, стране: «...Россия – страна пространственная... Без пространства она

ничто – ни страна, ни природа, ни народ, ни история. Пространство всегда существовало и вокруг Корнилова, русского человека, он из пространства и явился, туда же и уйдет – такова его человеческая натура» (с. 467). Обратим внимание: явился не из времени, а из пространства. Происшедшее в сознании героя перемещение ценностных ориентиров из временных параметров в пространственные вполне объяснимо. В данном случае скорее бессознательно герой Залыгина опирается на традицию отождествления моральных критериев с пространственными, уходящую корнями в глубины народного духа, что нашло свое отражение и в русском фольклоре, и в русской классической литературе. В отечественной историософии XX в., возникшей на основе идеалистической философии, утвердился тезис о приоритете индивидуального начала над общим. Это положение, противостоявшее официальным советским науке, искусству и литературе, воспевавшим прежде всего «живое творчество масс», разделяли и персоналист Н. Бердяев и «родовист» П. Флоренский (см.: [8]).

И действительно, волей исторических событий получилось так, что именно «бывшие», противопоставленные новой властью «живому творчеству масс», сброшенные на дно общества, оставшиеся один на один со своей судьбой, оказавшиеся перед необходимостью в одиночку решать свои жизненные проблемы, именно они более всего и ощутили на себе этот персонализм истории. Познав на собственных судьбах тяжкий груз всеобщего энтузиазма, дела прогресса, они разуверились и во всеобщем знании, в необходимости сообщества, содружества, любого объединения людей во имя какой-либо цели. Как раз об этом думает Корнилов, убежденный в том, что из «всеобщего знания никогда еще не возникало единения, а разобщение всегда» (с. 30).

Постановка в центр исторического предания конкретного индивида, понимание смысла истории как судьбы человека были неотделимы, в частности у Бердяева, от категории свободы. Он признавал: «Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка. Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность. Весь мир ничто по сравнению с чело-

веческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, откуда он пришел и куда он идет» [2, с. 11–12]. И уровень самоопределения личности мыслитель напрямую связывал с феноменом свободы, ее философией, которая самым непосредственным образом трансформировалась в «философию свободных» [8, с. 72].

И опять возникает парадоксальная и в то же время закономерная ситуация: «бывшие», оказавшись один на один со своей судьбой и все-таки сохранив в себе «остатки» прежней личности, прежнего «я», несмотря на все ухищрения скрыть их, чувствуют себя, по высшему счету, более свободными, чем те, кто принят и обласкан новыми властями.

«Я побежден... Все, что побежденный может потерять, я потерял... Значит, правил игры нет. Значит, я абсолютно свободен», – говорит Корнилову полковник Махов (с. 74). Примерно к тем же выводам приходит и сам Корнилов: «Подлинный, без подделки “бывший” вообще существовал в ясности понятий. Он знал, что хорошо, а что плохо, и даже более того – что на свете так, а что не так» (с. 96).

Однако историческое время внедрено в вечность, то есть в метаисторию. Но в таком случае в высшей степени справедлив и другой тезис Н.А. Бердяева: «Борьба субъекта и объекта, свободы и необходимости, смысла и бессмыслицы на языке метафизики есть символическая борьба, которая в “этом” дает знаки “иного”. За конечным скрыто бесконечное и дает о себе знаки. Глубина моего “я” погружена в бесконечность и вечность, и лишь поверхностный слой моего “я” освещен сознанием, рационализован, опознан на основе противоположения субъекта и объекта. Но из глубины даются знаки, там целые миры, там весь наш мир и его судьба» [2, с. 185].

Последнее особенно существенно. Именно метаисторический подтекст внес поправку и переоценку в осмысление Октябрьской революции, нравственно реабилитировав «бывших». Кроме того, он заставил увидеть в глобальном социальном эксперименте не ошибку неких сил, управляющих ходом событий, но «болезнь» истории, народа, нации. Суть этой болезни в том, что люди забывают об истинном метафизическом времени, в котором

протекает их от Бога данное бытие, впадают в грех идолопоклонства перед будущим. Но в том-то и парадокс, что идолопоклонники будущего на самом деле оказываются не менее зависимы от прошлого, чем отвергнутые ими «бывшие».

В этой связи снова будет не лишним вспомнить М. Хайдеггера, по мнению которого истина обязательно включает в себя момент «неистины». Именно «неистину» он находил в исторически самоуправляемом мире личности. «...Ложность и искажение, ложь и заблуждение, обман и видимость – короче говоря, все виды неистины относят к человеку», они являют собой не просто нравственную деформацию его первородного облика, а одну из сторон его неповторимой экзистенции. Аналогичным образом неистинное присутствует и в истории, но это тоже не «порча» исторического пути человечества, а его необходимый момент. «Путь блужданий, которым идет человек, нельзя представлять себе как нечто, равномерно простирающееся возле человека, наподобие ямы, в которую он иногда попадает; блуждание принадлежит к внутренней конституции бытийности, в которую допущен исторический человек... Блуждание – это открытое место и причина заблуждения. Заблуждение – это не отдельная ошибка, а господство истории сложных, запутанных способов процесса блуждания» [11, с. 16, 23–24].

Применительно к предмету наших размышлений можно сказать, что реальность и ирреальность «бывших» в романе С. Залыгина, переплетение в их судьбах трагического и комического есть отражение общих «заблуждений» века. Вместе с тем эпоха революционных преобразований, в какую выпало жить центральному герою «После бури» Корнилову, характеризуется намеренной подменой органичного естественного бытия беспутьем, необычайной активизацией элемента игры, сплошного экспериментирования.

В самом деле, едва ли не все основные персонажи произведения являются носителями какой-либо идеи-эксперимента: Корнилов присваивает чужое отчество и живет чужой жизнью; Ипполит Иванович, помешанный на своей «Книге ужасов», создает человеконенавистническую философию; УУР (Уполно-

моченный Угрозыска) одержим маниакальной мыслью построить новое общество на принципах «первобытного коммунизма»; полковник Махов выступает олицетворением свободы воли; Леночка Феодосьева наделяется качествами анти-Евы; увлекший Леночку Бурый Философ выражает позиции «великого мыслителя всех времен и народов», «ученого и революционера» Эммануила Енчмена (с. 350, 352).

Во власти тотального экспериментирования оказались прежде всего оторвавшиеся от реальной почвы «российские мальчики». Они, явившись «ради претворения в жизнь своих великих идей», каких только «ни устроили партий, фракций, восстаний, антиправительственных выступлений и демонстраций, фронтов и банд», куда только ни кинулись – «в анархизм... в терроризм, в сепаратизм и в областничество, в толстовство, в сектантство, в народ, из народа, в западничество и в византийство!» (с. 293).

Неисчислимыми, зачастую безжизненными идеями «российские мальчики» во многом обусловили, по мысли С. Залыгина, эксперимент мирового масштаба – Октябрьскую социалистическую революцию. В этой связи симптоматичен следующий многозначительный факт: участники нелегальной большевистской деятельности, те, кто готовил революцию, сплошь и рядом отказывались от своих имен и присваивали чужие. Так, Корнилов узнает, что у его нынешнего крайплановского начальника Лазарева когда-то было «три имени! Может, и больше...»: Константин Евгеньевич, Кузьмич, а до Кузьмича – «странно, но он был... Петром!» (с. 643).

Драматизм и фарсовость, комедийность в истории вообще и человеческих судьбах в частности не только взаимосоотносимы, но и взаимообусловлены. Вот почему Корнилова так властно и неодолимо влечет фигура Лазарева: в нем, бывшем Петре, Петр Васильевич-Николаевич узнает своеобразного двойника, также лишённого (хотя и по другим социально-нравственным мотивам) родовых корней, собственного «я».

По-своему отражающая путь «российских мальчиков» судьба Лазарева как раз несет в себе те экспериментаторство и игру жизни, которые и вызвали отступление от

естественности и органичности бытия. Отказ от данного при рождении имени и неоднократное присвоение чужих имен неизбежно велят к вытеснению из личности ощущения корней и чувства рода. Так или иначе лишенный связи с духовной традицией «предков», человек был обречен на сугубо функциональное существование, механическое усвоение чужого социально-психологического и нравственного багажа. Своя жизнь представляла не живородящим органическим единством, а соединением взятого на стороне надындивидуального опыта, являющего собой нечто разорванное, мозаичное, лоскутное.

Таким образом, в романе С. Залыгина первостепенное значение приобретает мысль о том, что подмена естественного бытия, основанного на преемственности вековых нравственных традиций, бездумным экспериментированием, доходящей подчас до абсурда игрой крайне опасны для людей, чреватые их неисчислимыми страданиями и бедами. Ничем не оправданные эксперименты в конечном счете привели к перерождению когда-то жившей в согласии с природой цельной, неискаженной личности. В итоге люди лишились самого главного – возможности строить свою судьбу. Подтверждением этого и является психология показанных в романе «бывших», чей социально-поведенческий облик предельно точно может быть выражен словами П. Флоренского: «Не “я живу”, а “со мною происходит”» [10, с. 174]. Утратившие почву под ногами, лишенные корней и родовых связей, не способные к унаследованию духовных ценностей предков люди типа залыгинского Корнилова целиком оказались во власти разрушительной стихии, которая несет их в никуда. Только благоустроенность ритмичного ненарушенного бытия, где всему предназначается свое место и время, в значительной степени обуславливает непрерывность исторического развития нации и адекватную со-

циокультурную идентификацию каждой отдельной личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках будет указана страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый, А. Воспоминания о А.А. Блоке / А. Белый // Эпопея : лит. сб. – Берлин, 1923. – № 4. – С. 256–301.
2. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 375 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 4. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Изд-во соц.-полит. лит., 1959. – 440 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. Т. 8. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 468 с.
5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Кн. 1. Письма. 1878–1881 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1988. – 456 с.
6. Залыгин, С. П. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. После бури / С. П. Залыгин. – М. : Худож. лит., 1990. – 783 с.
7. Муравьев, В. Н. Письма. Внутренний путь. Философские заметки, афоризмы / В. Н. Муравьев // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 97–114.
8. Неретина, С. С. Бердяев и Флоренский: о смысле исторического / С. С. Неретина // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 67–83.
9. Трубников, Н. Н. Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – М. : Наука, 1987. – 255 с.
10. Флоренский, П. А. Том 1. Столп и утверждение Истины (I) / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 491 с.
11. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер. – М. : Высш. шк., 1991. – 192 с.

THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION UNDER CONDITIONS OF SOCIO-CULTURAL VACUUM

V.V. Kompaneets

The article is devoted to the novel by S. Zalygin “After the Storm” and analyses the specific phenomenon of “ex-being” as a consequence of the global political experiment, based on the negation of traditional spiritual values succession. This leads to numerous victims and suffering of people, to hardships of their social adaptation and psycho-cultural self-identification. Human existence turns into elementary timeserving with the loss of primordial wholeness and integrity.

Key words: *personality, state of doom, dual consciousness, metahistory, intentionality, socio-cultural chronotope.*